

Лев Черенков (Москва, Россия)

ЦЫГАНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В УКРАИНЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Украина в современных государственных границах – одна из крупнейших европейских стран со старожильческим цыганским населением. При этом необходимо отметить, что внутренняя структура цыганского населения в Украине изменялась в связи с политическими событиями – прежде всего, в связи с территориальными изменениями, но также и в связи с переселенческими процессами (репатриацией, депортацией и т.д.).

Согласно Всеукраинской переписи населения 2001 года, в Украине живут 47 587 лиц цыганской национальности обоего пола, из них родным языком считают язык своей национальности (т.е. цыганский) 21 266 человек, а 16 620 человек – другие языки (украинский – 10 039, русский – 6 378, иные языки – 203 человек). Совершенно “немыми” остались 9 701 человек цыган – это число (при этом весьма значительное) не распределено ни по одной из граф, относящихся к родному языку цыганских респондентов.

Вызывают также удивление данные о родном языке цыганского населения Закарпатья. При общем количестве цыган в этой области в 14 004 человек, цыганский язык считают родным 2 871 человек, украинский – 2 335 человек, русский 28 человек, иные языки – 11 человек. “Немыми” оказались 5 245 лиц цыганской национальности. Известно, что большой процент (если не большинство) цыган Закарпатья считают родным языком венгерский. Может быть, именно они оказались в этом количестве в пять с лишним тысяч человек? Потому что цифра в 11 человек закарпатских цыган, указавших в качестве родного языка иной (какой?), нежели цыганский, украинский и русский, вызывает сильное сомнение у человека, хоть раз побывавшего в Закарпатье.

Естественно, ещё ни одна перепись населения в мире не учитывала распределения цыган по субэтническим группам. А одной из основных дифференцирующих характеристик каждого цыганского субэтноса явля-

ется наличие у него особого, присущего только ему, диалекта. Число носителей каждого цыганского диалекта определяется оценочно, приблизительно, исходя из опыта исследователей и сведений от цыганских информантов.

В данной работе я попытаюсь, среди прочего, представить общую картину распределения в Украине цыганских диалектов по регионам, основываясь на собственном опыте и на данных блестящей работы молодого американского исследователя русского происхождения Антона Тенсера [1].

I. Начнём с диалектов, которые большинство исследователей относят к диалектам т.н. **влашской** группы диалектов цыганского языка Европы. Группа объединяет диалекты, сформировавшиеся (как явствует из названия) на территории распространения румынского языка. Влашские диалекты подразделяются на «старовлашские» и «нововлашские» или просто «влашские». К **«старовлашским»** относятся диалекты, носители которых покинули румыноязычные территории по экономическим, политическим и пр. причинам в XVI–XVII вв. В Украине на «старовлашских» диалектах говорят цыгане *сэрвы* (*sérvurja*) и *влахи* или *волохи* (*vláxurja*). Доподлинное время их появления в Украине неизвестно, но с большой степенью вероятности можно предположить, что это произошло не ранее начала XVII века или даже на рубеже XVII и XVIII веков. В пользу этого говорит законодательный акт Варшавского коронного сейма от 1624 года, содержащий запрет предоставления жилья «неоседлым сербам и волохам» и наказание за несоблюдение этого запрета, предусмотренное ранее опубликованным запретом предоставления жилья цыганам [2].

В пользу происхождения носителей *сэрвицкого* диалекта из румыноязычных областей говорит не только относительно большое количество в диалекте румынских заимствований (*demút* «давно», *denzóg* «рано утром», *djinisar* – «думать», *fárte* «очень», *gláso* «голос», *intjé / inkjé* «ещё», *ljúmnja* «мир, свет», *lúngo* «длинный, долгий», *tjipisjav* – «кричать», и много других). Диалект обнаруживает сходство с другими диалектами влашской группы и в фонетике (например, дифтонг *–ej–* вместо общецыганского *–aj–*, как в *čexj / čej* «дочь, девушка-цыганка» или *dej* «мать»), и в морфологии (суффикс – *isar* – для образования заимствованных глаголов, суффикс – *icko* [например, *rusicko* «русский»], суффикс абстрактных существительных – *imó / –imá(n)* [например, *sastimó* «здоровье»]), и в исконной лексике (например, *amál* «приятель, компаньон», *andjar* – «везти», *dudúma* – / *dedúma* – «говорить, разговаривать» и т.д.).

В результате активных контактов (включая смешанные браки) цыган *сэрвов* с (северно) русскими цыганами, их диалект испытал – большей частью,

в лексике – некоторое влияние севернорусского цыганского диалекта (например, *poláu* «понимаю» – поэлементная калька с русского, *xalaudó* «солдат» при более старом *kamló*), в результате чего у *сэрвов* в диалекте появились даже полонизмы (например, *syndo* «суд», *svénto* «святой»).

Традиционный ареал расселения *сэрвов* – левобережная Украина, особенно Донбасс и шире Слобожанщина. Это, несомненно, область формирования и численного доминирования цыган *сэрвов*, которых с полным правом можно назвать «истинно украинскими цыганами». Но группа традиционно занимает гораздо более широкий ареал, захватывающий соседние области Российской Федерации и достигающий Волги в её среднем течении. Для *сэрвов*, даже живущих в великорусском языковом окружении, очень характерно более активное употребление в быту украинского языка (чаще всего, в виде т.н. «суржика»), чем цыганского. Много *сэрвов* живёт и на правобережной Украине, а в послевоенные годы в связи с репатриацией в Польшу цыган *галицыяков* из Львовской и бывшей Дрогобычской областей их место заняли, в основном, *сэрвы*, в том числе *сэрвы-волгари* из Самары.

Второй по численности и по распространённости субэтнической группой цыган, говорящих на одном из «старовлашских» диалектов являются цыгане *влахи*. Этот субэтнос традиционно обитал в приднепровских областях Правобережной Украины, но затем в результате миграций распространился по всему ареалу проживания *сэрвов*. В Ставропольском крае Российской Федерации они составляют большинство цыганского населения.

Их диалект обнаруживает ещё больше сходств влашскими диалектами (северной ветви), чем *сэрвицкий* диалект. В фонетике это переход старых аффрикат **dž** и **čh** соответственно в **ž** и **š** (с разной степенью палатализации), например, *žanáu / ž'anáu* «знаю», *živáu / ž'uváu* «живу», *šav / š'avó* «сын, парень-цыган», *šej / š'ej* «дочь, девушка-цыганка», *šuri / š'uri* «нож». В морфонологии это, например, стяжение (элиза) группы **ov** в таких формах как *thau < thováu* «кладу», *thos* «кладёшь», *thol* «кладёт» и т.д. В морфологии – окончание – *ém* в 1-ом лице единственного числа прошедшего совершенного времени: *me tjerdjém, aviljém, ljem, dem* «я сделал(а), пришёл (пришла), взял(а), дал(а)» (для сравнения в *сэрвицком* диалекте – *me tjerdom / cerdom, aviljom, liljom, dynjom*), личные формы заимствованных глаголов в настоящем времени могут употребляться и без суффикса – *sar* – : *me cypiu, pistróu* «я кричу, пишу», *tu cypis, pistrós* «ты кричишь, пишешь», *voü / voj cypil, pistról* «он / она кричит, пишет» (но в прошедшем совершенном времени – *me cypisardém, pistrosardém; tu cypisardán, pistrosardán; voü / voj cypisardá, pistrosardá*). В лексике диалекта *влахов* больше румынских заимствований, чем в *сэрвицком* диалекте.

Оба вышеописанных диалекта объединяют особенности, которые американский цыганонолог А. Тенсер [1] в описании цыганских диалектов Украины условно назвал «пан-украинскими». К таким особенностям – кроме огромного украинского влияния на всех уровнях языка – он относит характерный для сэрвицкого и влашского диалектов переходпалатализованных $g' > d', k' > t'$ (иногда c) и $kh' > t'x$ (иногда cx или просто c , а у *влахов* иногда и $č$): *mánd'i < mánge* «мне (дательный падеж)», *tút'i < túke* «тебе (дательный падеж)», *t'xer / cxer / cer / čer < kher* «дом».

В украинском Донбассе и в соседних районах Российской Федерации существует немногочисленное цыганское подразделение *ришяров / ричаров*. Время появления их в данном ареале неизвестно, но некоторые особенности фонетики и лексики свидетельствуют в пользу принадлежности их диалекта к влашским. При первом знакомстве с речью *ришяров* может создаться впечатление, что она идентична влашской, но на самом деле между этими двумя диалектами наряду с общими дифференцирующими характеристиками существуют серьезные отличия. Так, например, в *ришярском* диалекте отсутствуют такая «пан-украинская» особенность как переход $g' > d', k' > t', kh' > t'x$ характерная и для *сэрвов*, и для *влахов*. В глаголах 1-ого лица единственного числа прошедшего совершенного времени в *ришярском* диалекте употребляется окончание $-óm$ с палатализацией предшествующего согласного: *kerdjóm* «я сделал(а)», *aviljóm* «я пришёл (пришла)». В формах глаголов 2-го и 3-его лица множественного числа прошедшего совершенного времени всегда употребляется тематический гласный $-n-$: *aviné* «вы / они пришли», *giné-tar* «вы / они ушли». В *ришярском* при образовании формы множественного числа заимствованных существительных мужского рода не употребляется румынский по происхождению суффикс $-urja / -ulja$, как в *сэрвицком* и *влашском*: *ришярское bejátu*, *сэрвицкое* и *влашское bejátu-rja* «дети». Абстракта в *ришярском* образуются при помощи суффикса $-pé$ в отличие от $-mó$ в *сэрвицком* и $-mós$ во *влашском*: *guglipé = guglimó = guglimós* «сладость». Заимствованные глаголы употребляются альтернативно или с суффиксом $-un- / -in- / -yn-$, или же без него, но с тематическими гласными $-o- / -i-$: *žalunáu* или *žalój* «желаю», *pečatynél* или *pečatój* «печатает», *pistrunés* или *pistrós* «пишешь». В *ришярском* больше, чем у *сэрвов* и *влахов* лексических заимствований из румынского языка.

Все три вышеописанные диалекта испытали и испытывают огромное влияние украинского языка на всех языковых уровнях. Стоит ещё отметить, что эти диалекты нигде, кроме Украины и Южной России, не встречаются.

К «нововлашским» или **влашским северной ветви** диалектам относится диалект цыган *кишинёвцев*. Предки этих цыган покинули территорию Бессарабии в середине или во второй половине XIX века и стали кочевать по территории Украины и Южной России. В настоящее время «кишинёвская» общность в Украине и России делится на два больших подразделения: 1) таврических «кишинёвцев» (*la Tavrijákэ*) в Украине и 2) донских *кишинёвцев* в России. Судя по историческим, этнографическим и лингвистическим данным современные украинские и русские «кишинёвцы» происходят от одного из подразделений бессарабских цыган, говорящих на влашских цыганских диалектах – вероятнее всего, от бессарабских *лаешей*. Их диалект отличается от современных влашских цыганских диалектов Республики Молдовы лишь большим количеством новых русских и украинских заимствований. Румынского (молдавского) языка даже представители старшего поколения «кишинёвцев» не помнят, и некоторые румынские заимствования в их диалекте подверглись фонетической трансформации: *činzéc* «пятьдесят» < румынск. *cincizeci hórba* «слово» < румынск. *vorbă*; *lúnta* «свадьба» < румынск. *nuntă*.

К тем же влашским северной ветви относится и диалект цыган *кэлдэрапов* или *котляров*, которые более или менее компактными группами живут по всей территории Левобережной и Правобережной Украины, но больше всего в Днепропетровской, Одесской и Николаевской областях. К ним, очевидно, необходимо точки зрения языковых и этнографических особенностей отнести и потомков репатриантов из Китая, которые называют себя *шанхайцы*.

Кэлдэрары – выходцы из трансильванско – банатско – карпатского региона Румынии, которые в середине и во второй половине XIX века после отмены рабства цыган в румынских княжествах распространились по многим странам Европы, а затем Америки, и по Австралии. В настоящее время это самый географически распространённый в мире цыганский субэтнос. Их говоры (диалект) очень хорошо описаны в зарубежной и российской специальной литературе, к которой интересующиеся всегда имеют возможность обратиться.

Очень похожую историческую судьбу испытали и цыгане субэтнического подразделения *ловаров*, диалект которых тоже относится к влашским северной ветви диалектам. Этот субэтнос также проживает во многих странах мира, иногда смешанно с *кэлдэрарами*. Диалект чрезвычайно близок к *кэлдэраарскому* но отличается от него как фонетически (противопоставлением гласных по краткости и долготе, отсутствием сильной палатализации

согласных и т.д.), так и лексически (*ловары* относительно продолжительное время жили в венгерскоязычном ареале и усвоили довольно много венгерской лексики).

В Закарпатской области довольно много цыган, говорящих на «ново-влашских» диалектах. Это и т. н. «чехословацкие ловары» (*československa lovára*). Вдоль украинско-венгерской и украинско-румынской границы имеются небольшие поселения (Королево, Хуст и др.) влашских цыган различных этнических подразделений, основная масса которых живёт в Северо-Восточной Венгрии и в соседней Румынии. Это *цэрхары*, *ченгэвары*, *машары* (*cerhâra*, *čengóvâra*, *mâhâra*) и др. На востоке Закарпатя (Рахов, Великий Бычков) живут румынские цыгане, которые, однако, для выделения себя из массы других закарпатских цыган называют себя «*русскими*» / «*русинскими*» или «*гуцульскими*» цыганами (*hucúljurja*) [3]. Диалекты упомянутых выше цыган хорошо описаны в публикациях венгерских исследователей.

II. Несмотря на то, что самыми «типичными украинскими цыганами» – как было сказано выше – являются *сэрвы* и *влахи*, первое упоминание о присутствии цыган на украинских землях относится к волынско-подольскому ареалу. В августе 1545 года в Скале Подольской (нынешней Тернопольской области) появился «граф Малого Египта» Пётр Ротемберг со своими людьми, проделавший долгий путь из Германии через немецкоязычные города польского Поморья в северные области Великого Княжества Литовского и оттуда прибывшего на Украину [4]. На следующий 1546 год Пётр Ротемберг получил сопроводительное письмо от владельца Ровна князя Василя Курцевича [5]. Особо стоит отметить, что на украинских землях (так же, как ранее на литовских и белорусских) цыгане из группы Петра из Ротемберга посещали конные базары [6]. Это означает, что они могли задерживаться в определённых населённых пунктах на относительно продолжительное время или вообще оставаться в них. В течение XVI–XVII веков отмечался наплыв цыган на территорию Великого Княжества Литовского (в состав которого входили волынско-подольские земли) из немецких земель через Польшу и из самой Польши в связи с антицыганским законодательством и гонениями цыган.

Подробно останавливаюсь на истории появления немецких цыган в Украине потому что в упомянутом ареале в течение долгого времени вплоть до наших дней большинство цыганского населения составляла субэтническая группа цыган, в культурном и языковом отношении как бы занимающая промежуточное положение между польскими «равнинными» («*nizin-*

puti») и южными группами севернорусских цыган. Как и севернорусские и польские «равнинные», а также литовско-белорусские и латышские, эти цыгане говорят на диалекте, относящемся к **северо-восточной ветви северных (Nordic) диалектов** цыганского языка. Польские «равнинные» цыгане называют их «*чернобыльцами*» («*czarnobyłcy*»). Этот этноним иногда употребляется самими цыганами [7]. На востоке данного ареала в Житомирской и Киевской областях эти цыгане чаще называются *гимпэны* / *тымпэны* (*gimpény* / *hympény*). Диалект чрезвычайно близок к севернорусскому цыганскому диалекту, но наряду с этим обладает рядом выраженных особенностей. В фонетике это сохранение аспирированного **čh** в форме **čx**: *čxavó* «сын, парень-цыган», *čxon* «месяц, луна», *čxurí* «нож», *čxib* «язык»; в морфонологии – параллельное употребление палатализованных и непалатализованных форм в таких случаях как: *kali* = *kalý* «чёрная», *romní* = *romný* «цыганка, жена», в морфологии – существование отдельных форм настоящего и будущего времени: *keráu* «делаю», *keráva* «сделаю, буду делать». В лексике этого диалекта есть некоторое количество лексем, не характерных для севернорусского цыганского диалекта (кроме говоров сибирских цыган), но имеющихся в польском, литовском и латышском цыганских диалектах: *godó* «умный», *kédó* «когда», *kutý* «немного, мало», *varkédys* «когда-то» и т.д. Есть и некоторая часть лексики, заимствованной у *сэрвов*: *bejáto* / *bejátko* «ребёнок», *feljástra* (наряду с реже употребляемым *fénstra*) «окно», *múlkom* «молча» и т.д.

На крайнем востоке ареала, а также в соседних Черниговской и Сумской областях живут цыгане, говорящие на местных разновидностях севернорусского цыганского диалекта – *росейска рома* (*ros'éjska romá*). Впрочем, провести чёткую границу между этими говорами и диалектом *гимпэнов* очень трудно (из-за отсутствия достаточно количественных языковых данных). Проблема более точной идентификации этих диалектов ждёт дальнейшего изучения.

III. Единственным в Украине диалектом, относящимся к **балканской группе** диалектов цыганского языка, является диалект крымских цыган, которые называют себя *кырымлытика рома* (*kyrymlytika romá*) или *кырымлыдэс* (*kyrymlydes*), а в общении с представителями других цыганских субэтносов – также *крымы* или *крымура*.

До массовой депортации татар и других местных народов из Крыма там проживали две большие группы цыган: 1. татароязычные цыгане, которых крымские татары называли *чингене* (*лер*) (*çingene[ler]*) или *дайфа* (*лар*) (*dayfa[lar]*) и которые сами себя называли *урмачель* [8]; 2. цыгано-

язычные цыгане, котрых по-крымскотатарски обычно называли *аювджы(лар)* (*ayuvci[lar]*).

Согласно некоторым историкам (прежде всего, письменным крымскотатарским семейным хроникам «меджмуа») после заключения Бухарестского трактата 1812 года, по которому Турция передала России Бессарабию и Буджак, в Крыму наблюдался массовый наплыв цыган из Бессарабии. Очень возможно, что эти цыгане и были предками *аювджы*, смешавшимися со старожильческим цыганским населением Крыма и воспринявшими через них ислам и элементы крымскотатарской традиционной культуры.

В пользу этой гипотезы говорит несколько фактов: диалект современных крымских цыган чрезвычайно близок по морфологии и старой («докрымской») лексике диалекту бессарабских *урсаров*; в диалекте крымских цыган есть некоторое количество заимствований из румынского (молдавского) языка; и крымские цыгане, и бессарабские урсары – традиционно кузнецы, причём профессиональная терминология (новогреческого происхождения), а также технологические приёмы работы с металлом у обеих субэтнических групп почти идентичны; *аювджы* (*ayuvci*) по крымскотатарски означает то же, что *урсар* (*ursar*) по-румынски – «медвежатник, вожак медведя», хотя в обоих субэтнусах не сохранилось никаких воспоминаний о хождении с медведем, но подчёркивается традиционная приверженность кузнечному ремеслу.

В диалекте крымских цыган – огромное количество заимствований из крымскотатарского языка. Вместе с тем, контакты с носителями других языков (украинского, русского) также оставили глубокий след в крымском цыганском диалекте. Во время голода 1921 года многие крымские цыгане покинули Крым и переправились в Краснодарский край, где они до сих пор составляют большинство цыганского населения. Таким образом, для значительной части крымских цыган контакты с крымскотатарским языком прервались, а контакты с носителями украинского и русского языка усилились. Окончательно прекратились контакты с крымскотатарским языком в 1944 году (хотя в том же году многие крымские цыгане были депортированы из Крыма и до 1951–1952 гг. жили в тех же местах ссылки, что и крымские татары). В настоящее время и в Украине, и в России (прежде всего, в Краснодарском крае) с трудом можно найти представителя старшего поколения крымских цыган, который помнит крымскотатарский. Поэтому в диалекте место старых крымскотатарских заимствований занимают заимствования из русского и украинского языков. Стоит также отметить, что крымские цыгане в настоящее время живут не только (и не столько) в Крыму. Старая

крымско-цыганская колония существует в Одессе, есть крымские цыгане в Николаевской, Херсонской, Днепропетровской, Запорожской областях и в других регионах Украины.

IV. В западных районах Закарпатья живёт небольшое количество словацких цыган (*slovácika romá* или *sérvika romá*), говорящих на диалекте, относящемся к **северной ветви центральной (или карпатской) группы** диалектов цыганского языка. Больше всего их в Ужгороде, Перечине и в селе Середнем около Мукачева, где они уже несколько веков ведут оседлый образ жизни. Почти все они имеют родственников в Восточной Словакии, а некоторые и в Чехии. Говоры словацких цыган Закарпатья в последние десятилетия испытывают некоторое влияние украинского литературного языка, из которого черпается лексика, связанная с новыми реалиями.

Во Львовской области Украины (в Дрогобыче, Трускавце, Самборе и в самом Львове), а также в некоторых селениях Ивано-Франковской области живёт близкородственная словацким цыганам группа южнопольских карпатских цыган, которые иногда называют себя «венгерскими» цыганами (*úngrika romá*) и которых польские «равнинные» цыгане называют «горными» цыганами (*bergítka romá*). Эти цыгане оседлы, по крайней мере, со времён Марии-Терезии, т.е. с середины XVIII века. Основная их масса живёт в Польше в предгорьях Карпат. Их диалект очень близок диалекту словацких цыган, но имеет много полонизмов в лексике.

К той же ветви и к той же группе диалектов относится диалект *плацунов* (*plašúny*), которые живут в очень небольших группах на огромном пространстве Восточной Украины и России, но, вероятно, их традиционным ареалом были Донецкая область (особенно Горловка) и такие южнорусские области как Ростовская, Самарская, Волгоградская и Астраханская. Тем не менее *плацуны* сохранили память о долгом пребывании в Закавказье (в Баку). Другая их часть обитала в районе Оренбурга. В недалёком прошлом *плацуны* вели в основном кочевой образ жизни. Время появления их предков в местах нынешнего расселения неизвестно, как и неизвестна территория, с которой они прибыли в Украину и Россию. Данные их диалекта говорят в пользу того, что их предки происходили из моравско-западно-словацкого региона, поскольку и в фонетике и в лексике у *плацунов* есть особенности именно моравских и западнословацких диалектов северной ветви центральных диалектов цыганского языка. В фонетике это – рефлекс **s = h / j** в таких случаях, как *hóske* «почему, для чего», *har* «как, каким образом», *havó* «какой», *joj / joj hi* (*his*) «он / она есть (был[а])», *adávo* < *adáhavo* «такой» *léja* «с ним (инструментальный падеж)», *lája* «с ней

(инструментальный падеж)», *avája* «мы придём», *avéja* «ты придёшь» и т.д.; в лексикетипичные для центральных диалектов формы *adardé / odordé* «сюда / туда» и такие слова как *lukestó* «солдат», *lit'hi* «дерево», а также южнославянско-венгерские заимствования *fadín* «мёрзнуть», *hjabóske* «напрасно, даром», *igen* «очень», *vičín* «звать», *vriskín* «кричать» и т.д. В плащунском диалекте есть также украинские лексические заимствования, например, *víkna* «окно». Все *плащуны* – православные, фамилии у них украинские и реже русские.

V. В Закарпатье среди местного немецкоязычного населения ещё в середине 50-х годов XX века можно было найти несколько семей немецко-австрийских цыган из субэтнической группы *синти* подразделения *эстэ-райхарья* (*esterájxarja*) «австрийцы». Эти цыгане занимались затачиванием ножей и топоров и поэтому назывались также *šlajfárja* «точильщики». Их диалект совершенно идентичен диалекту цыган-*синти*, переселившихся из Австрии в Венгрию в начале XX века и относится к **центральной ветви северной группы диалектов цыганского языка**.

Первым из цыганских диалектов, распространённых на территории Украины, стал изучаться сэрвицкий диалект. Ещё в конце XVIII века довольно подробные и достоверные сведения о нём привёл российский путешественник и учёный Василий Фёдорович Зуев [9]. Очень активно изучением диалектов украинских и южнорусских цыган занимался советский индолог академик Алексей Петрович Баранников, опубликовавший в 20-е – 30-е годы XX века много статей о диалектах *сэрвов* (частично также *влахов*) в отечественной и зарубежной специальной периодике. Результатом его деятельности в цыганской лингвистике явилась книга «Українські та південно-російські циганські діалекти» с англоязычным вариантом «The Ukrainian and South-Russian Gypsy Dialects» [10]. По *крымскому* диалекту прекрасным источником являются публикации Вадима Германовича Торопова [11], который занимается изучением языка, истории, фольклора и культуры крымских цыган вот уже два десятилетия. Краткие сведения о *плащунском* диалекте содержатся в публикации Льва Николаевича Черенкова [12].

Больше «повезло» диалектам, распространённым кроме Украины на территории других государств и стран. Это, прежде всего, *кэлдэрарский* и *ловарский* диалекты. Из русскоязычных публикаций по *кэлдэрарскому* диалекту отмечу «Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)» братьев Романа Степановича и Петра Степановича Деметеров [13], а по *ловарскому* – «Романэ ворби. Цыганско-русский словарь

(ловарский диалект)» писателя и общественного деятеля Георгия Николаевича Цветкова [14].

По диалектам цыган бывшей Чехословакиии, в частности, по диалекту *восточнословацких* цыган, который распространён также и в Закарпатье, прекрасным источником является словарь, созданный группой специалистов под руководством выдающейся специалистки по цыганистике Милены Хюбшманновой [15].

По *диалектам цыган Прикарпатья* наиболее авторитетен труд польского исследователя Изидора Коперницкого [16]. Подробную работу по диалекту австрийских цыган *синти*, живущих в Венгрии (и живших, по крайней мере, в 50-е годы XX века в Закарпатье), опубликовал венгерский исследователь Дёрдь Месарош [17]. По *влашским* диалектам Закарпатья хорошим источником может послужить словарь известного венгерского цыганолога Йожефа Векерди [18].

Ещё раз следует отметить, что перечисленные выше работы [13–18] относятся к диалектам, распространённым в основном за пределами Украины. Это не освобождает от необходимости изучать особенности функционирования этих диалектов именно на территории Украины в условиях их контактов с украинским литературным языком и его диалектами (особенно это относится к Закарпатья и Прикарпатья со старожильческим цыганским населением).

С ростом культуры и образованности среди цыган не раз предпринимались попытки расширить сферу применения цыганского языка, который до сего времени в основном функционирует как язык внутрисемейного и внутриобщинного общения. Оставим в покое культурно-языковое строительство среди цыган СССР в период до Великой Отечественной войны и обратимся к более новым примерам из жизни цыган современной Украины.

Наиболее блестящей фигурой в молодой цыганской литературе на Украине несомненно считаю Михаила Григорьевича Козимиренко (1938–2005). Он не только прекрасно знал лексику диалекта (очень близкого к гимпенскому), на котором он писал свои оригинальные поэтические произведения и на который переводил произведения украинской классики, но и тонко чувствовал цыганскую фразеологию, в полной мере используя её возможности.

Так же прекрасно знает цыганскую лексику и чувствует особенности фразеологии, но уже применительно к сэрвицкому диалекту Елена Марчук, которая переводит на этот диалект Евангелие и создаёт на нём оригинальные произведения с религиозной тематикой. Языка её переводов настолько

органичен, что порой кажется, что евангелический текст был изначально создан на цыганском языке.

К сожалению, необходимо обратиться и к отрицательным примерам. Переводчик Илья Трофимович Мазур, иногда действующий под псевдонимом Илие Мазоре, имея весьма смутное представление о цыганском языке, поскольку не владеет ни одним цыганским диалектом, сумел, тем не менее, получить доступ к публикации на созданном им волапуке, понятном только ему самому, так называемых «цыганских оригиналов» с украинскими переводами стихов известного русского цыганского поэта Николая Георгиевича Саткевича (1917 – 1990). Я поддерживал с Саткевичем приятельские отношения с осени 1954 года до его кончины и знаю, что он прекрасно владел родным брянским говором севернорусского цыганского диалекта, на котором писал свои поэтические произведения. В моём личном архиве есть оригиналы некоторых из них. Естественно, их язык не имеет ничего общего с абракадаброй, созданной усилиями И. Мазура Его «цыганская» деятельность» только дискредитирует дело цыганской литературы в Украине.

Очень интересна и пока ещё до конца не разработана проблема употребления цыганского языка в цыганской (не обязательно цыганоязычной) прессе. Пионером в этом деле выступила закарпатская цыганская газета «Романі яг». Меня насторожила только попытка создания некоего «усреднённого» цыганского закарпатского диалекта, чего-то среднего между словацким и влашским цыганскими диалектами. Да простят меня авторы этого начинания, которые, конечно же, руководствовались самыми хорошими побуждениями, но получилось нечто вроде «язычия» Крижанича, призванного обслуживать все славянские языки разом. По-моему, лучше публиковать материалы один по-словацкоцыгански, другой – по-влашкоцыгански. В конце концов, для читателя, владеющего одним из этих диалектов, нет непреодолимой преграды для понимания текста на другом цыганском диалекте.

То же самое относится и к переводу заголовков статей и к анонсам.

Таким образом, мы вплотную подошли к проблеме создания и функционирования так называемого «общего литературного» языка цыган Европы – наддиалектной формы, понятной всем европейским цыганам и признаваемой ими. Каюсь, я тоже в своё время принял участие в создании такого «языка», поставив свою подпись на IV Всемирном цыганском конгрессе под декларацией о новом «общецыганском» алфавите». Такой «язык» действительно был создан французским лингвистом Марселем Куртиаде, на нём даже были выпущены учебники для начальных классов.

Позже, преподавая цыганский язык в воскресной мультиэтнической школе № 1650 в Москве, я понял, насколько глубоко заблуждался в целесообразности создания такого «языка». Каждый цыган (в том числе и цыганский ребёнок) воспринимает то, что называется «цыганским» (язык, культуру, традиции и т.д.), через опыт своей этнографической группы. Цыганская традиционная культура в самом широком понимании (включая и язык) находится в постоянном контакте с культурой окружающего населения и подвергается постоянному влиянию с её стороны. Исключить это влияние (а также следы влияния тех культур с представителями которых цыгане взаимодействовали в прошлом) невозможно – разве что поместив цыганских младенцев в безлюдную пустыню, чтобы они там росли в «незамутнённой чистоте». Носитель «цыганскости» – того, что называется *романыпэн* или *романимо* – живой диалект цыганских родителей. Именно поэтому «общий литературный» язык Куртиаде воспринимался моими цыганскими учениками как нечто экзотическое и музейно-чужое, хотя и временами очень понятное.

Мы решили научиться писать по-цыгански на живых цыганских диалектах – по-русскоцыгански и по-ловарски. И дело пошло значительно лучше.

Подобный опыт есть и в Швеции, где в цыганских классах преподаватели из грамотных цыган учат писать на живых диалектах: по-кэлдэрарски и по-ловарски. В Швеции существуют книги для внеклассного чтения на этих диалектах [19]. Наиболее, по моему мнению, положительный опыт преподавания цыганского языка в школе имеет Австрия.

С 1993 года в Институте языкознания Университета Карла-Франца в австрийском городе Грац существует так называемый Проект по цыганскому языку (Romani Projekt), в рамках которого наряду с изучением и исследованием цыганских диалектов Европы разрабатываются также и программы изучения живых цыганских диалектов Австрии в цыганских классах. Группой специалистов во главе с доктором Дитером Хальваксом и в сотрудничестве с цыганской организацией провинции Бургенланд разработаны методические материалы для преподавания языка детям, проведена кодификация и нормирование бургенландского цыганского диалекта, введены правила правописания [20].

Язык (по желанию родителей) успешно преподаётся в школе городка Оберварт, где наблюдается наибольшая концентрация цыган. Издаётся детская литература, ежемесячная газета, ведётся радиовещание. По заказу венской цыганской организации той же группой в сотрудничестве со

специалистами из Вены проведена работа по кодификации и нормированию ловарского диалекта Австрии [21]. Практическое применение кодифицированного и нормированного языка затормозилось из-за активного сопротивления значительной части родителей-ловаров, предпочитающих слышать в школе не цыганский, а немецкий язык.

Существует надежда на то, что на следующей подобной конференции с докладом о состоянии и перспективах цыганской диалектологии в Украине будет выступать украинский специалист.

Источники и литература:

1. *Tenser A.* Romani dialects in Ukraine and Moldova: reconciling linguistic and ethnographic data // 7th International conference on Romani linguistics, Prague, 14–16 Sept. 2006 (in print).
2. *Mróz Lech.* Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV – XVIII wieków. – Warszawa, DiG, 2001. – s. 376.
3. Интервью, взятое Л. Черенковым у группы закарпатских цыган на их стоянке в районе станции Мичуринец под Москвой 8 июля 1979 года. – Архив автора.
4. *Mróz L.* Op.cit. – s. 97.
5. *Mróz L.* Op.cit. – s. 98.
6. *Mróz L.* Op.cit. – s. 112.
7. Интервью, взятое Л. Черенковым Анны М. из г. Дубно Ровенской области в Москве 21 апреля 1976 года. – Архив автора.
8. *Мемии Решиит.* Забытое племя. – «Къасевет», Симферополь, 1996, № 1 (25), с. 22 – 27.
9. *Зуев В.Ф.* Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах. – СПб., 1787.
10. *Баранников О.П.* Украинські та південно-російські циганські діалекти. – Ленінград, 1933; *Barannikov A.P.* The Ukrainian and South-Russian Gypsy dialects. – Leningrad, Academia, 1933.
11. *Торопов В.Г.* Крымский диалект цыганского языка. – Иваново, 1990; *Его же.* Словарь языка крымских цыган. – Москва: Институт наследия, 1999.
12. *Cherenkov Lev N.* The Plaščuny and their dialect. Preliminary notes // General and applied Romani linguistics. Proceedings from the 6th International conference on Romani linguistics. – München, 2005. – p. 43 – 47.
13. *Деметер Р.С., Деметер П.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэзарский диалект) / Под ред. Л.Н. Черенкова – Москва, «Русский язык», 1990.
14. *Цветков Г.Н.* Романэ ворби. Цыганско-русский словарь (ловарский диалект). – Москва, 2002.
15. *Hübschmannová M., Šebková H., Žibková A.* Romsko-český a česko-romský kapesní slovník. – Praha, 1991.

16. *Kopernicki I.* Textes tsiganes, contes et poésie. – Kraków, 1925.
17. *Mészáros Gy.* A magyarországi szinto cigányok. Történetük és nyelvük. – Budapest, 1980.
18. *Vekerdi J.* A magyarországi cigány nyelvjárások szótára = A comparative dictionary of Gypsy dialects in Hungary. 2nd revised edition. – Budapest, 2000.

Лев Черенков Циганська діалектологія в Україні. Історія та сучасність

В роботі представлена загальна картина розподілу в Україні циганських діалектів за регіонами, базована на авторських багаторічних спостереженнях та даних А. Теснера. Зокрема, вказано, що на українських теренах мешкають носії кількох груп діалектів романи: влашської, північної, балканської, центральної (караптської). Розглянуто історію вивчення циганських діалектів та наголошено на доцільності вивчення особливостей їх функціонування на теренах України з урахуванням контактів з українською мовою. Розглянуто спроб літературної творчості та освітньої діяльності циганською мовою в Україні.

Лев Черенков Цыганская диалектология в Украине. История и современность

В работе представлена общая картина деления в Украине цыганских диалектов по регионам, основанная на авторских многолетних наблюдениях и данных А. Теснера. В частности, указано, что на украинских землях проживают носители нескольких групп диалектов романи: влашской, северной, балканской, центральной (карпатской). Рассмотрена история изучения цыганских диалектов и отмечена целесообразность изучения особенностей их функционирования на территории Украины с учетом контактов с украинским языком. Рассмотрены попытки литературного творчества и образовательной деятельности на цыганском языке в Украине.

Cherenkov Lev. Roma dialectology in Ukraine. History and the present

The article describes general distribution of Roma dialects on the territory of Ukraine on the basis of A. Tesner's personal long-term research and observations. The author drew a conclusion that there are several Romani dialect groups on the territory of Ukraine: Vlahi, North, Balkan, Central (Carpathian). History of their studies has also been examined. Expedience of studying of these dialects functioning on the territory of Ukraine is stated by the author. The article analyses examples of Roma language literary creative work and education in Ukraine.